

УДК 343.74

Л.В. Ведерникова

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРИСВОЕНИЯ ИЛИ РАСТРАТЫ ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Изучение научной литературы и судебной практики позволило сделать вывод о необходимости признания недвижимого имущества предметом присвоения. Признание недвижимого имущества предметом присвоения зависит от непосредственных свойств самого предмета преступления, направленности умысла виновного, а также от самой специфики объекта недвижимого имущества.

Ключевые слова: недвижимое имущество, присвоение, умысел на хищение.

В научной литературе, посвященной проблемам квалификации преступлений против собственности, сложились разные мнения о том, что может выступать предметом присвоения или растраты вверенного имущества: только движимые вещи или движимое и недвижимое имущество.

Так, в литературе советского периода отмечалось, что «предметом преступления, как при краже, так и при других преступлениях против личной собственности, является чужое движимое имущество» [1. С. 10]. Такой подход к определению предмета хищения в советский период соответствовал действующему в то время законодательству. Декрет ВЦИК «О социализации земли» 19 февраля 1918 г. предусматривал, что «собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы... отменяется навсегда» [2]. Примечание к ст. 21 ГК РСФСР 1922 г. гласило, что «с отменой частной собственности на землю деление имущества на движимое и недвижимое упразднено» [3]. Потому необходимости выделения и исследования недвижимости как предмета хищения в научной литературе и правоприменительной практике того времени не было.

В современной научной литературе этот вопрос является дискуссионным. Так, Л.Д. Гаухман указывает, что «признание недвижимого имущества предметом хищения вовсе не означает, что такое имущество может быть предметом любой формы хищения. Теоретически и практически оно может являться предметом мошенничества, присвоения и растраты. Вместе с тем в качестве предмета кражи, грабежа и разбоя абсолютно не могут выступать земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты, леса и т.п., т.е. то, что вообще не поддается изъятию, и лишь с бесконечно малой степенью вероятности таким предметом могут быть дома» [4. С. 145]. И.А. Клепицкий утверждает, что недвижимость может выступать предметом только мошенничества и вымогательства [5. С. 11]. А.И. Бойцов указывает, что «физические и юридические свойства, присущие некоторым видам недвижимого имущества, исключают возможность их похищения тайным или насильственным способом, характерным соответственно для кражи, грабежа, разбоя... Единственным способом хищнического приобретения чужой недвижимости в свою

пользу остается ее «приобретение», т.е. получение (несуществующего) права на недвижимую вещь посредством понуждения потерпевшего к передаче этого права при помощи мошеннического обмана либо принуждения его к тому при посредстве насилия и угроз, характерных для вымогательства, но последнее только примыкает к хищению, не являясь таковым» [6. С. 162–163].

Представляется, что недвижимость может быть предметом присвоения или растраты. При решении вопроса о признании недвижимости предметом присвоения или растраты необходимо помнить, что деление вещей на движимые и недвижимые, предложенное гражданским законодательством, не должно существенным образом влиять на применение норм уголовного права. Гражданско-правовое деление вещей на две категории (движимые и недвижимые) обусловлено способом закрепления прав собственности на них (государственная регистрация прав) в зависимости от их физических свойств. Согласно ст. 2 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним – это юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с ГК РФ; государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Регистрационный порядок закрепления прав на недвижимое имущество не может служить основанием для определения возможности или невозможности признания его предметом присвоения. Такой особый порядок закрепления прав на недвижимость определяет и особые способы присвоения такого имущества, то есть особые действия преступника, направленные на достижение преступного результата.

Такое недвижимое имущество, как земельные участки, здания, сооружения, прочно связанные с землей, может выступать предметом присвоения. Для наличия признаков состава хищения, в том числе и присвоения, необходимо не только изъятие такого имущества, но и обращение его в свою собственность, то есть перевод виновным вверенного имущества в свое окончательное обладание, выражающееся в постановке виновным себя или других лиц на место собственника. Осуществить это с таким недвижимым имуществом возможно только путем регистрации права собственности на него. Если же субъект не обращает имущество в свою пользу или пользу третьих лиц, то такое неправомерное использование недвижимого имущества само по себе не образует его хищение. Действия виновного лица в этом случае могут быть квалифицированы по ст. 330 УК РФ (самоуправство).

Так, индивидуальный предприниматель К. «совершил неправомерные действия, оспариваемые Комитетом по земельным ресурсам и землеустройству Департамента недвижимости г. Томска, а именно самовольный захват земельного участка площадью 2200 кв. м, и использовал для осуществления своей предпринимательской деятельности для оказания услуг платной открытой автостоянки», за что был привлечен к уголовной ответственности по ст. 330 УК РФ [7].

Регистрация права собственности на объект недвижимого имущества, вверенного виновному, немыслима без составления подложных документов, дающих основания для этого акта, и предъявления их регистратору. Казалось

бы, подобное действие подпадает под признаки обмана как способа завладения имуществом и образует состав ст. 159 УК РФ. Но такая квалификация будет верной, если умысел на приобретение права на недвижимое имущество возник до момента передачи недвижимости виновному. Согласно п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в случае, «когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намериваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества, или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него (курсив наш. – Л.В.)».

Момент возникновения умысла на противоправное завладение чужим недвижимым имуществом является важнейшим признаком, позволяющим ограничивать состав мошенничества от присвоения вверенного имущества. В ином случае обман является не способом изъятия чужого имущества из владения собственника или иного владельца в пользу лица, его похищающего (как это необходимо для состава мошенничества), а способом фиксации незаконного владения чужим имуществом (регистрация права собственности). Потому деяние лица, которому было вверено недвижимое имущество и которое путем составления подложных документов зарегистрировало право собственности на это имущество в свою пользу или пользу третьих лиц, не может быть квалифицировано как мошенничество, в этом случае имеет место присвоение вверенного имущества.

Отрицание возможности совершения присвоения в отношении недвижимого имущества может привести к противоречивым выводам. Представим ситуацию, когда собственник недвижимого имущества поручает лицу продать какой-либо объект недвижимости и предоставляет ему доверенность, включающую в себя правомочие подписания договоров, связанных с отчуждением объекта недвижимости, и осуществление регистрационных действий. У поверенного возникает умысел на незаконное завладение этим имуществом, и он регистрирует, вопреки желанию собственника, договор об отчуждении этого недвижимого имущества в пользу своего родственника безвозмездно или по явно заниженной цене, в результате чего у родственника поверенного возникает право собственности на этот объект и последующее правомочие распоряжения им. Если в данном случае отрицать возможность привлечения недобросовестного поверенного к уголовной ответственности по ст. 160 УК РФ, то мы должны признать «систему двойных стандартов». Представим, что поверенный все-таки продал недвижимое имущество и денежные средства, вырученные от продажи, не передал собственнику, а присвоил себе. В этом случае его безоговорочно можно было бы привлечь к уголовной ответственности за присвоение денежных средств, тогда как незаконное завладение самой недвижимостью, обладающей этой же стоимостью, рассматривается как не образующее состава преступления. Очевидно, что степень общественной опасности второго деяния если не большая, то по крайней мере равная, и отрицать это не имеет смысла. Потому ставить вопрос

об ответственности виновного лица в зависимости от того, что выступило предметом его незаконных действий (недвижимое имущество или денежные средства), по меньшей мере, нелогично.

Напомним, что ответственность за присвоение недвижимого имущества предусматривалась в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором выделялись отдельные составы присвоения недвижимого имущества через подлог или иного рода обманы, выражающиеся в следующих действиях: составлении подложных крепостей, межевых планов, книг или иных актов или документов, служащих доказательством права собственности; учинении подчисток или исправлений в крепостных актах или других бумагах, служащих письменными доказательствами права собственности; предъявлении в суде, передаче другому лицу либо ином заведомо противозаконном употреблении крепостного акта или другой служащей доказательством права собственности подложно составленной либо через подчистки, поправки или иным образом злонамеренно измененной бумаги; указании в актах или в предоставляемых местному или иному начальству либо суду бумагах на принадлежность себе чужого имущества, совершенное лицом, которое только владеет или пользуется этим имуществом либо проживает в нем по доверенности или по какому-либо письменному либо словесному договору [8. С. 442]. Как видим, состав присвоения недвижимого имущества был сформулирован законодателем как усеченный, то есть наступление общественно опасных последствий в виде ущерба собственнику недвижимости не предусматривалось ввиду особой вредоносности самого деяния.

Также уместно напомнить, что недвижимость являлась предметом преступлений против собственности в УК РСФСР 1960 г. Федеральным законом от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» в уголовный закон была включена ст. 148.2. «Неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом с корыстной целью при отсутствии признаков хищения» [9], но она, к сожалению, не вошла в новый Уголовный кодекс РФ 1996 г.

Следует также отметить, что уголовное законодательство некоторых зарубежных стран признает недвижимость предметом преступных посягательств, в том числе и хищения вверенного имущества. Так, например, УК Литовской Республики в ст. 183 и 184 предусматривает уголовную ответственность того, «кто противоправно присвоил вверенное ему или находящееся в его ведении чужое имущество либо право на имущество»; «кто растратил вверенное ему или находящееся в его ведении чужое имущество либо право на имущество», то есть не что иное, как право на недвижимое имущество [10. С. 280–281]. УК Республики Молдова (ст. 193) устанавливает ответственность за «незаконное полное или частичное завладение чужой недвижимостью» [11. С. 263]. В УК Республики Сан-Марино (ст. 200) предусмотрено: «всякое лицо, которое перемещает в пространстве либо изменяет сроки владения либо обманным путем изменяет размеры недвижимого имущества другого лица с целью присвоить его себе» [12. С. 145].

В то же время следует отметить, что не всякое завладение недвижимым имуществом, вверенным виновному, следует квалифицировать по ст. 160 УК

РФ. Так, например, неправомерное завладение воздушным или водным судном, которые также относятся к недвижимому имуществу, не образует состава хищения, так как особые свойства этих предметов определяют иной объект уголовно-правовой охраны – общественную безопасность (ст. 211 УК РФ).

Подводя итог сказанному, нельзя не отметить, что существует очевидная необходимость защиты интересов собственников недвижимого имущества посредством специальной уголовно-правовой нормы. Это позволит упростить понимание и применение уголовного закона, разрешить сложности в квалификации корыстных посягательств на собственность и в конечном счете способствовать более надежной охране ее от общественно опасных посягательств. Для достижения этих целей необходимо в УК РФ предусмотреть ответственность за присвоение или растрату недвижимого имущества.

Литература

1. Гельфер М.А. Преступления против личной собственности граждан: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1987. 36 с.
2. *СУ РСФСР*. 1918. № 43. Ст. 524.
3. *СУ РСФСР*. 1922. № 71. Ст. 904.
4. *Уголовное право*. Особенная часть: учеб. / под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М., 2005. 703 с.
5. Клепцкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. 2000. № 12. С. 11.
6. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 475 с.
7. Архив Кировского районного суда г. Томска. Дело №1-19/04.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. СПб., 1869. 591 с.
9. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1994. № 10. Ст. 1109.
10. *Уголовный кодекс Литовской республики*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 410 с.
11. *Уголовный кодекс Республики Молдова*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 408 с.
12. *Уголовный кодекс Республики Сан-Марино*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 253 с.